

THE ISSUES OF QUALIFICATION «LIEFERADRESSE» BRIBERY
Khasenova A. R. (The Republic Of Kazakhstan)
Email: Khasenova55@scientifictext.ru

*Khasenova Almagul research assistant – doctoral Student,
Department of criminal law and criminology,
Karaganda state University. academician E. A. Buketov,
Karaganda, Republic of Kazakhstan*

Abstract: *the article is devoted to the qualification of the actions of persons who have committed bribery with imaginary mediation. The author critically assesses the position of the normative decision of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated November 27, 2015 № 8" on the practice of consideration of some corruption crimes " regarding the proposed qualification of the act. The author also substantiates the need to introduce into the criminal code of the Republic of Kazakhstan the norms of responsibility for the promise and offer of bribes.*

Keywords: *" false mediator", normative decision of the Supreme Court, taking a bribe, mediation in bribery, bribe giver, promise and offer of a bribe.*

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ «ЛЖЕПОСРЕДНИЧЕСТВА»
ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ**
Хасенова А.Р. (Республика Казахстан) Email: @scientifictext.ru

*Хасенова Алмагуль Рашитовна – докторант,
кафедра уголовного права и криминологии,
Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова,
г. Караганда, Республика Казахстан*

Аннотация: *статья посвящена квалификации действий лиц, совершивших взятничество при мнимом посредничестве. Автором критически оценивается положение нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 8 «О практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений» относительно предлагаемой в нем квалификации данного деяния. Также автор обосновывает необходимость введения в Уголовный кодекс РК нормы об ответственности за обещание и предложение взятки.*

Ключевые слова: *«лжепосредник», нормативное постановление Верховного Суда, получение взятки, посредничество во взяточничестве, взяткодатель, обещание и предложение взятки.*

УДК 343.352

Судебной практике известны случаи, когда лицо предлагает свои посреднические услуги в достижении или реализации сговора между взяткодателем и «конечным» взяткополучателем, получает от последнего деньги или иное имущество, а затем присваивает его. Эти действия «лжепосредника», несмотря на имеющиеся по этому вопросу разъяснения Верховного суда РК, вызывают трудноразрешимые в рамках действующего уголовного законодательства Республики Казахстан проблемы с квалификацией.

В п. 20 нормативного постановления Верховного Суда от 27 ноября 2015 года № 8 «О практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений» разъяснил, что «если лицо получает от взяткодателя деньги или иные ценности якобы для передачи лицу в качестве взятки и, не намереваясь этого сделать, присваивает их, содеянное им должно квалифицироваться как мошенничество». Подобным же образом решался этот вопрос и в утратившем ныне силу нормативном постановлении Верховного Суда РК от 22 декабря 1995 года № 9 «О практике применения судами законодательства об ответственности за взяточничество».

Насколько верно подобное решение? Позиция Верховного Суда РК, на первый взгляд, убедительна. В названных постановлением случаях действительно имеет место получение «лжепосредником» имущественной выгоды за счет взяткодателя. Эту выгоду он извлекает посредством обмана. Обман заключается в сообщении ложных сведений относительно имеющихся должностных полномочий, связей и иных возможностей для совершения в интересах взяткодателя действий, в ложных уверениях совершить нужные взяткодателю действия (бездействие). При этом налицо и причинение имущественного ущерба взяткодателю - он передает ценности, составляющие предмет взятки, но не получает взамен нужных ему действий от «лжевзяткополучателя», «лжепосредника». Последние, обращая взятку в свою пользу, преследуют корыстную цель. Таким образом, на первый взгляд, налицо

все признаки состава мошенничества, и «лжевзяткополучателя» и «лжепосредника» следует привлекать к уголовной ответственности по ст. 190 УК РК. Однако подобное решение вопроса приводит на практике к следующей абсурдной ситуации. Если данное деяние квалифицировать как мошенничество, то взяткодатель из лица, совершившего преступление, причем, достаточно серьезного, превращается в потерпевшего, со всеми вытекающими из его статуса последствиями. Одним из таких последствий является необходимость возвращения ему суммы похищенного. В то же время он одновременно является взяткодателем, и в этом случае привлекается к уголовной ответственности за совершение коррупционного преступления, и сумма взятки должна взыскиваться в доход государства. Лицо при совершении одно и того же преступления одновременно является и субъектом преступления, и потерпевшим от преступления. Таким образом, создается неразрешимая в рамках действующего законодательства коллизия.

Для выхода из этой ситуации следует ответить на ряд вопросов. Во-первых, а какому, собственно, объекту уголовно-правовой охраны в этих случаях причиняется вред? Ответ очевиден – если деяние квалифицировать как мошенничество, как то предлагает Верховный Суд РК в рассматриваемом Постановлении, то вред причиняется общественным отношениям собственности, правомочиям собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом. Но можно ли признавать имущество, передаваемое в качестве взятки, благом, охраняемым уголовным законом? Отвечая на этот вопрос, прежде всего, следует исходить из того, что уголовное законодательство РК стоит на защите законных прав, свобод, интересов человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства. Целью уголовного законодательства (как это следует из содержания ч. 1 ст. 2 УК РК) является «защита прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, собственности, прав и законных интересов организаций, ... охраняемых законом интересов общества и государства от общественно опасных посягательств». Иными словами, Уголовный кодекс РК берет под защиту исключительно законные блага и интересы. Имущественные интересы взяткодателя, даже в случае имевшегося в отношении него обмана, вряд ли можно назвать законными.

На позиции защиты именно законных прав и интересов стоит и гражданское законодательство РК. Так, в ГК РК сказано, что «осуществление собственником своих правомочий не должно нарушать прав и охраняемых законом интересов других лиц и государства» (ч. 4 ст. 188 ГК РК). ГК РК не защищает право собственности лица, осуществляющего его ненадлежащим образом, злоупотребляющего им. Согласно ч. 2 ст. 158 ГК РК «Сделка, направленная на достижение преступной цели, противоправность которой установлена приговором (постановлением) суда, ничтожна». В случае исполнения сделки, совершенной с преступной целью, все полученное по ней сторонами взыскивается в доход РК. Если сделка направлена на достижение преступной цели, противоправность которой установлена приговором (постановлением) суда, то при наличии умысла у обеих сторон все, полученное ими по сделке или предназначенное к получению, по решению или приговору суда подлежит конфискации (ч. 5 ст. 157-1 ГК РК).

Кстати сказать, и в советской уголовно-правовой науке не вызывало сомнений утверждение, что собственник, по своему усмотрению выходящий в использовании имущества за установленные законом пределы, не может претендовать на то, чтобы закон охранял его интересы; за установленными законом пределами использование собственником имущества есть не что иное, как акт фактического распоряжения им, который сам по себе является правонарушением, исключающим возможность признания такого лица потерпевшим [1, с. 16]. По этому же пути шла и советская судебная практика. Она не считала возможным относить к числу правовых благ, охраняемых уголовным законом, различные злоупотребления правом собственности. Так, Верховный Суд СССР не усматривал мошенничества в действиях лица, получившего от взяткодателя деньги либо иные ценности якобы для передачи должностному лицу и присвоившего их. Содеянное этим лицом он предлагал квалифицировать, в зависимости от обстоятельств дела, как подстрекательство к даче взятки либо пособничество во взяточничестве [2].

В российской дореволюционной уголовно-правовой традиции под объектом преступного деяния понимали «правоохраняемый интерес». Посягательство на интерес, лишенный правоохраны, рассматривалось как деяние непроступное [3, с. 186]. Достаточно категорично высказывался в этой связи Н.Д. Сергеевский: «Закон государственный не должен выступать ни гражданским, ни уголовным порядком на защиту... преступных сделок, и обман, совершенный при их заключении или исполнении, должен просто игнорироваться» [4, с. 389].

Таким образом, в подобных случаях деяние не может быть квалифицировано как мошенничество, поскольку отсутствует состав мошенничества, а именно – объект посягательства, т. к. объектом преступления могут выступать только законные интересы человека, общества и государства. Имущественные интересы лица, передавшего это имущество в качестве предмета взятки, не могут быть признаны законными, поэтому не могут браться под уголовно-правовую защиту.

Постановив квалифицировать как мошенничество действия лиц, не исполнивших обещание совершить деяние, являющееся преступлением, Верховный Суд РК тем самым не учел социальное

предназначение действующего казахстанского уголовного закона, а также принципиальные положения Гражданского кодекса Республики Казахстан.

«Содеянное «лжепосредником», «лжевзяткополучателем» не может образовывать мошенничества, поскольку посягает на имущественные интересы взяткодателя, выразившиеся в общественно опасном поведении, не имеющим, говоря словами Н.С. Таганцева, правовой охраны» [5, с. 63]. Каким же образом должны быть оценены эти действия?

Действия «лжевзяткополучателя» и «лжепосредника» при наличии определенных условий, а именно, если они склонили взяткодателя к даче взятки, квалифицируются как подстрекательство к даче взятки. Об этом же говорится и в Постановлении: «Когда же в целях завладения ценностями это лицо склоняет взяткодателя к даче взятки, то его действия должны дополнительно квалифицироваться как подстрекательство к даче взятки». Если же эти лица не были инициаторами взятки, то в рамках действующего уголовного законодательства они не подлежат уголовной ответственности, т.к. их действия не могут быть признаны мошенничеством. Какой же выход? Мы предлагаем дополнить УК нормой, предусматривающей ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, как это, например, предусмотрено в УК РФ (ч. 5 ст. 291.1). Обещание или предложение посредничества во взяточничестве предполагает совершение лицом действий, направленных на доведение до сведения взяткодателя (взяткополучателя) информации о своем намерении стать посредником во взяточничестве [5, с. 64]. С момента совершения этих действий обещание или предложение посредничества во взяточничестве считается оконченным. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве, по смыслу предлагаемой новеллы, не должно выражать действительное намерение лица стать посредником во взяточничестве. Поэтому данный состав преступления мог бы образовывать как действия лиц, действительно намеревавшихся быть посредником, так и лиц, не имевших такого намерения. Кстати, введение подобной нормы согласуется и с требованием ратифицированной Казахстаном в 2008 г. Конвенции ООН против коррупции 2003 года, которая предусматривает для государств-участников введение ответственности не только за предоставление неправомерного преимущества, но и за его обещание или предложение, как за оконченные преступления.

Полагаем, что подобное решение позволит дать наиболее адекватную правовую оценку рассматриваемой коллизии.

Список литературы

1. *Никифоров Б.С.* Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР. М., 1954. 156 с.
2. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23.09.1977 № 16 «О судебной практике по делам о взяточничестве». [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/5635266/paragraph/117:0/> (дата обращения: 15.09.2018).
3. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 1. 393 с.
4. *Сергеевский Н.Д.* Мошенничество по русскому действующему праву // Юридическая летопись, 1890. Ноябрь. С. 373-410.
5. *Елисеев С.А.* Спорные положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Вестник Томского государственного университета. Право, 2014. № 4 (14). С. 60-65.